

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

И. А. Майданская, М. А. Майданский

ОПЫТ САМОКРИТИКИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРИЯ*

Климова С. М. Интеллигенция в поисках идентичности:
Достоевский – Толстой. СПб.: Алетейя, 2018. 246 с.

Майданская Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: maxmaid@rambler.ru

Майданский Максим Андреевич – магистрант. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: maxmaid@rambler.ru

В новой книге Светланы Климовой прослеживается история формирования русской интеллигенции, критически исследуется специфика ее «бинарного мифосознания». Понятие интеллигенции здесь не столько социологическое, сколько идеологическое – унаследованное от авторов сборника «Вехи». К интеллигенции причисляются исключительно те, чье сознание укладывается в квазирелигиозный дискурс, характерными чертами которого являются: непримиримое противостояние властям; поза пророка, убежденного в своем моральном и интеллектуальном превосходстве над противником; восприятие общества сквозь призму бинарных оппозиций «прогрессивное – реакционное», «старое – новое», «свои – чужие» с периодической инверсией ценностей; романтический культ революции, с одной стороны, и культ религии – с другой. Параллельно складывается «диалогический» дискурс, в котором Климова усматривает альтернативу дискурсу «интеллигентскому». Ключевые термины в этом новом дискурсе: «цельное», «целостность», «всецелое» (сознание, знание, личность). Лидерами «диалогистов» становятся Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский (хотя последнему, по мнению Климовой, не удалось в полной мере преодолеть соблазн интеллигентского мифотворчества). Эти русские писатели показали «живую любовь» во всем богатстве и многообразии ее проявлений, утверждает Климова. Особое внимание уделяется субъективной стороне их творчества: частной переписке и дневникам, личным чертам и обстоятельствам биографии писателей. Большой параграф посвящен «философскому диалогу» Толстого с литературным критиком Страховым. В их переписке Климова усматривает отправной пункт религиозно-философского поворота Толстого. Страхов оказался для него

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 19–18–00100 «Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном пространстве Запада: критика, рецепция, диалог».

«со-автором понимания», помогавшим Толстому выработать «новую философию жизни». Основой и истоком этой философии становится субъективное чувство жизни: «я живу».

Ключевые слова: интеллигенция, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. Н. Страхов, русская идея, целостная личность, философия жизни, чувство жизни

Для цитирования: Майданская И. А., Майданский М. А. Опыт самокритики русской интеллигенции: язык, литература, история // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 3. С. 174–180.

* * *

Приступая к чтению монографии Светланы Климовой, необходимо ясно понимать, о каком предмете в ней идет речь. Во второй половине XIX столетия «интеллигентами» стали называть работников умственного труда и просто людей просвещенных, культурных. Однако вскоре это слово приобрело этическое и даже идеологическую окраску. Признаком «интеллигентности» стало считаться критическое отношение к русским общественным порядкам и властям. Интеллигенция полагала своим нравственным долгом представлять интересы народа перед властями и заботиться о народном просвещении.

Исайя Берлин, один из наиболее сведущих западных исследователей русской культуры, отмечал, что аналог русской интеллигенции в западном мире можно найти разве что в области религиозной жизни: «Понятие интеллигенции не следует смешивать с понятием интеллектуалов. Представители интеллигенции воспринимали себя как объединенных чем-то большим, нежели простая заинтересованность в идеях; они представлялись себе кастой посвященных, едва ли не секулярным духовенством, призванным распространять особое отношение к жизни – нечто наподобие евангельской благой вести»¹.

В фокусе внимания Климовой находится как раз эта квазирелигиозная натура русской интеллигенции. Место Бога в интеллигентском сознании занял Народ, но восприятие мира, пафос и даже язык остались религиозными, а новым Священным Писанием сделалась художественная литература. Таким образом, «интеллигенция» у Климовой – понятие не столько социологическое, сколько *идеологическое*. К интеллигенции причисляются исключительно те, чье сознание укладывается в описанный выше «религиозный дискурс». Остальная масса образованных людей – врачей, учителей и «все-го русского разночинья» (с. 51) – из этой категории вычеркивается. Необходимо постоянно держать это в уме, иначе окажется непонятен антиинтеллигентский пафос, которым пропитана книга Климовой.

Под описанным углом зрения ведется и критика «бинарного мифосознания» интеллигенции. Очевидно, автор расценивает свою позицию как сугубо реалистическую или, во всяком случае, не мифологическую. В дальнейшем мы попытаемся вычленить ее основные принципы и ценностные ориентиры. Пока же ограничимся констатацией того факта, что демаркационная линия между интеллигенцией и остальным русским обществом проводится в области сознания, а не материально-практической жизни людей. Последняя, впрочем, тоже временами всплывает в поле исследовательского внимания Климовой.

¹ Berlin I. Russian Thinkers. L., 1978. P. 117.

Книга разделена на четыре части. В части первой, «Становление русской интеллигенции», дается взыскательный анализ истории формирования этой общественной прослойки с присущим ей «маятниковым» самосознанием. Вторая часть анатомирует творчество Ф. М. Достоевского, прежде всего его «русскую идею». Третья прокладывает тропу от Н. Н. Страхова к главному герою книги Л. Н. Толстому, позиция которого, в общем и целом, вызывает у Климовой пылкое одобрение. Наконец, четвертая часть, наибольшая по объему, посвящена философским идеям Льва Толстого. Сочувственное проникновение в его мировоззрение дополняется исправлением ошибок в «интеллигентском восприятии» творчества Толстого и сопоставлением его общественно-политического учения со взглядами Макса Вебера и Ханны Арендт.

Идеологическое определение интеллигенции, равно как и негативно-критическое отношение к ней, Климова унаследовала от авторов известного сборника «Вехи» (1909). Другими точками опоры в ее работе стали структуралистская концепция тартуской семиотической школы (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) и «диалогическая» теория культуры М. М. Бахтина.

Возникновение интеллигенции связывают обычно с петровскими реформами, создавшими слой «русских европейцев». На протяжении большей части XVIII в., вплоть до А. Н. Радищева, интеллектуалы не вступали в открытое идейное противоборство с властями страны. На страницах журнала Российской Академии «Собеседник любителей русского слова» литератор Д. И. Фонвизин почтительно вопрошал Екатерину II о прискорбном состоянии русских нравов. Неудобоваримые вопросы о законах и правах человека свысока отклонялись. В этом диалоге Климова усматривает «образец удачной интеллектуальной дискуссии интеллигенции с властью» (с. 26).

Полвека спустя интеллигенция перешла от вопросов к ответам, и ответы эти пришлось властям не по нраву. Публикация первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева (1836) положила начало острой публичной дискуссии о «нашей своеобразной цивилизации», на которую не распространилось «всемирное воспитание человеческого рода». В ней «невозможно здоровое нравственное существование» человеческой личности, и вся ее история – лишь вечный «плоский застой», грустно констатировал Чаадаев. Власти в ответ не придумали ничего лучшего, как «высочайшим повелением» объявить Чаадаева сумасшедшим и заключить под домашний арест.

Так, по мнению Климовой, рождался особый интеллигентский дискурс, для которого характерны: непримиримое противостояние властям; поза пророка, убежденного в своем моральном и интеллектуальном превосходстве над противником; восприятие общества сквозь призму бинарных оппозиций «прогрессивное – реакционное», «старое – новое», «свои – чужие», с периодической инверсией ценностей; романтический культ революции, с одной стороны, и культ религии – с другой.

Параллельно складывается «диалогический» дискурс, в котором Климова усматривает альтернативу дискурсу «интеллигентскому». В этой связи она особо подчеркивает «новую роль “интимных жанров”»: дневников, переписок, автобиографий, которые демонстрировали процесс “рождения” писателя, мыслителя, общественного деятеля или творческой личности... Они обнажают природу диалогического пространства мира личности, фиксируя спонтанный процесс рождения, развития и изменения мысли в контексте субъективного эмоционального опыта переживания. Интимность и искренность стали основой формирования целостной личности» (с. 43).

Предводителем «диалогистов» становится Лев Толстой. Ключевые термины в этом новом дискурсе: «цельное», «целостность», «всецелое» (знание, сознание, личность). Климова горячо поддерживает партию интеллектуалов-диалогистов в их противостоянии «монологической» интеллигенции. Ей близок понятый в духе славянофила Ивана Киреевского «идеал цельной личности как единство логики и веры» (с. 46). Меж тем, если поглубже вникнуть в этот и ему подобные проекты русских религиозных философов – поборников «всецелого разума» (А. Хомяков), «цельного знания» (Вл. Соловьев), «интегрального познания» (В. Розанов), то можно увидеть, что все они начинаются и кончаются утверждением вторичности «рассудка» по отношению к «сердцу» и рациональных форм мышления вообще – по отношению к религиозной вере, интуиции, нравственному чувству и аффективным «симпатиям». В качестве примера цельной личности автор книги приводит не Леонардо или Спинозу, а старцев-отшельников из Оптиной Пустыни.

У Достоевского и Толстого религиозность тоже во главе угла. Эти два русских писателя «становятся главными вдохновителями будущего богоискательства, сделав религиозные проблемы стержневыми в общественной жизни и мышлении интеллигенции» (с. 69). Впрочем, Достоевскому, по мнению Климовой, не удалось выйти за рамки интеллигентского мифотворчества. В конце концов он сделался «апологетом русского национализма» и «всеми силами пытался защищать монархию и традиционное православие» (к последним автор монографии испытывает по-толстовски глубокую антипатию).

Достоевский в монографии двойственен. Климова стремится отделить «Достоевского-автора», который ее восхищает, от «личности Достоевского», занимающейся морализаторством, произвольно толкующей факты и увлеченной идеологическим мифотворчеством. В романах Достоевского она находит привлекательные «религиозные идеи и символы», при этом Климову отталкивает его «приверженность русской православной церкви, ее ценностям и обрядам» (с. 76).

В принципе, противоречивость фигуры Достоевского общеизвестна. Сама Климова ссылается в этой связи на авторитетное мнение Г. В. Флоровского: тот считал, что «конечный синтез» своих идей Достоевский так и не смог осуществить – застрял в антиномиях, как некогда Кант. В русской идее Достоевского выделяются два пласта: миф о русском народе, на чьи плечи Господь Бог возложил миссию спасения мира, и образ врага – западного буржуазного человека, воспитанного в «еврействе».

Любопытно, что немногим ранее схожую оценку западной цивилизации предложил... Маркс на страницах «Немецко-французского ежегодника» (1844). Молодой философ-гегельянец усматривает в западном христианстве воплощение еврейского духа торгашества. Кульминацией исторического развития духа еврейства становится гражданское общество – «сфера эгоизма, где царит *bellum omnium contra omnes*»². Подобно Достоевскому, Маркс ищет спасителя человечества, но находит его внутри самой западной цивилизации. Это – пролетариат, класс-мессия, призванный осуществить «эмансипацию человека».

Достоевский начал свою писательскую карьеру с изображения жизни пролетариев, «бедных людей». Таков русский народ, такова его мистическая природа – «русская идея». Запад же представлен внутри русского общества

² Маркс К. Собрание сочинений: в 50 т. Т. 1. М., 1955. С. 392.

в образе интеллигенции, с ее «рационально-научными» взглядами и критическим складом ума, доходящим до демонстративного отрицания общепринятых ценностей у нигилистов. Подобно евреям, русские интеллигенты – чужие в своей стране. Они оторваны от народной почвы, враждебны религиозному духу русского народа. Религия интеллигентов – социализм. Эти евреи русского мира променяли Христа на чечевичную похлебку цивилизации. Стремясь к преобразованию материальной жизни общества, они, по мнению Климовой, забывают о личности и «живой любви». «Любить всех, не имея ни капли любви к реальным родителям, женщине, ребенку, “былинке” какой-нибудь – страшная метаморфоза русских “страдальцев” – источник всех социалистических идей» (с. 83).

Это «бинарное» представление о социализме, как о любви ко всем вместе и ни к кому в отдельности, не слишком оригинально. В этом месте Климова апеллирует к С. Л. Франку (один из авторов сборника «Вехи»), но примерно то же самое твердили многие и многие критики социализма. Христианские мыслители считали самих себя монополистами по части «живой любви». У своих противников – не только народников и марксистов, но и у М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и армии их приверженцев, анархистов, – они не находили «ни капли любви» к реальной человеческой личности.

Достоевский и Толстой показали нам «живую любовь» во всем богатстве и многообразии ее проявлений, утверждает Климова. В своей книге она нечасто обращается к художественным образам, нарисованным в романах русских писателей. Намного больше внимания уделяется переписке, дневникам и прочим их «интимным» писаниям. Большой параграф посвящен «философскому диалогу» Толстого с литературным критиком Страховым. Последний профессионально занимался и философией, переводил многолетнюю «Историю новой философии» Куно Фишера, труды И. Тэна, Э. Ренана и других популярных в то время европейских мыслителей. Немало у Страхова и собственных философских работ. В одной из них он даже попытался объять мыслью «Мир как целое» (заглавие книги 1872 года)³.

Климова расценивает переписку со Страховым⁴ как отправной пункт религиозно-философского поворота Льва Толстого. Здесь постепенно откristаллизуются основные идеи, которые он проповедовал в последние три десятилетия своей жизни. Страхов стал для Толстого «со-автором понимания» – тем собеседником, «Другим», который помог выработать «*новую философию жизни*». Поза благоговящего ученика, в которой предстает в переписке Страхов, на самом деле есть «проявление страховской способности к пониманию, другое – уникальное – проявление творческого начала в человеке... Сопереживание другому – тоже “вид” сцепления, без которого невозможен ни диалог, ни целостность... Нам кажется, что именно эту способность М. М. Бахтин позже определит как “сочувственное понимание”» (с. 134).

Со своей стороны, Толстой выказал меньше сочувствия ко взглядам Страхова, подвергнув нелюбезной критике «Мир как целое» за непонимание религиозно-нравственного начала мира и смысла человеческого бытия. Здесь Климова отмечает, что скорее все же сам Толстой недопонял сокровенную религиозную суть страховской книги.

Специфику толстовской философии жизни Климова видит в *субъективизме*. Эта черта резко отделяет учение Толстого от близких ему восточных

³ Страхов Н. Н. Мир как целое: Черты из науки о природе. СПб., 1872.

⁴ См.: Л. Н. Толстой и С. А. Толстая: переписка с Н. Н. Страховым. Ottawa, 2000.

и западных (просветительских прежде всего) философий, стремящихся выразить, каждая по-своему, целостность жизни и отыскать ее истинный смысл. *Чувство жизни* – «Я живу» – предшествует всякому возможному опыту и является условием самой его возможности. При своей субъективности это чувство присуще каждому человеку и всему живому вообще. Оно образует фундамент «царства Божия внутри нас».

В гносеологическом плане Климова озабочена тем, чтобы прочертить границу между рациональным и мистическим компонентами в философии Толстого, и сделать это таким образом, чтобы не повредить ее цельность. Суть социально-исторических воззрений Толстого помогают прояснить параллели с Максом Вебером (по принципу «религиозной рациональности») и Ханной Арендт (истоки зла и этика долга).

В рамках рецензии невозможно, конечно, проследить все интересные ходы авторской мысли. У нас нет сомнений, что новая книга Светланы Климовой внесла лепту в дело «сочувственного понимания» Толстого-философа. Остается лишь пожелать, чтобы книга нашла и своего сочувственного читателя.

Список литературы

- Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В. М. Саблина, 1909. 211 с.
 Климова С. М. Интеллигенция в поисках идентичности: Достоевский – Толстой. СПб.: Алетея, 2018. 246 с.
 Л. Н. Толстой и С. А. Толстая: переписка с Н. Н. Страховым / Под ред. А. А. Донскова. Сост. Л. Д. Громова и Т. Г. Никифорова. Ottawa: Slavic Research Group at the University of Ottawa, 2000. 308 с.
 Маркс К. Собрание сочинений: в 50 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. 698 с.
 Страхов Н. Н. Мир как целое: Черты из науки о природе. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872. 506 с.
 Berlin I. Russian Thinkers. L.: Hogarth Press, 1978. 312 p.

An essay of self-criticism of the Russian intelligentsia: language, literature, history*

Klimova, S. M. *Intelligentsia v poiskakh identichnosti: Dostoevsky – Tolstoy* [Intelligentsia in search of identity: Dostoevsky – Tolstoy]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2018. 246 pp. (In Russian)

Irina A. Maidanskaya

Belgorod State National Research University. 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: maxmaid@rambler.ru

Maksim A. Maidansky

Belgorod State National Research University. 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: maxmaid@rambler.ru

* This work is supported by the Russian Science Foundation under grant № 9–18–00100 “19th–21st Century Russian Philosophy in the Western Intellectual Context: Criticism, Reception, Dialogue”.

In the new book by Svetlana Klimova, the history of formation of the Russian intelligentsia is traced, and its specific “binary mythological consciousness” is under critical examination. Here, the intelligentsia is not so much a sociological concept, but rather an ideological one. It is inherited from the authors of the collection *Vekhi*. The intelligentsia includes only those whose minds fit into a quasi-religious discourse, the characteristic features of which are (i) an irreconcilable opposition to the authorities, (ii) a posture of the prophet, convinced of his moral and intellectual superiority over the enemy, (iii) the perception of society through the prism of binary oppositions “progressive vs. reactionary,” “old vs. new,” “friend vs. foe,” with a periodic inversion of values, (iv) the romantic cult of the revolution, on the one hand, and the cult of religion, on the other. At the same time, Klimova discusses the formation of a “dialogical” discourse, which she sees an alternative to the discourse of the intelligentsia. The key terms of this new discourse are “whole,” “holistic,” “integrity.” Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky become the inspiration of the “dialogists” (even though Dostoyevski, according to Klimova, did not fully overcome the temptation towards myth-making of the kind characteristic of the intelligentsia). Klimova argues that these Russian writers showed us the “living love” in all its richness and diversity of its manifestations. She pays special attention to the subjective side of their works, viz. to private correspondence and diaries, personal traits and concrete circumstances of their lives. A large section is devoted to Leo Tolstoy’s “philosophical dialogue” with the literary critic Nikolay Strakhov. Klimova regards their correspondence as a starting point of the religious and philosophical turn in the creative work of Tolstoy. Strakhov became a “co-author of understanding,” who helped Tolstoy develop his “new philosophy of life.” The foundation and source of this philosophy is the subjective feeling of life: “I live.”

Keywords: intelligentsia, Dostoevsky, Lev Tolstoy, Strachov, the Russian idea, integral person, philosophy of life, meaning of life

For citation: Maidanskaya, I. A. & Maidanskii, M. A. “Opyt samokritiki russkoi intelligentsii: yazyk, literatura, istoriya” [An essay of self-criticism of the Russian intelligentsia: language, literature, history], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 3, pp. 174–180. (In Russian)

References

- Berlin, I. *Russian Thinkers*. London: Hogarth Press, 1978. 312 pp.
- Donskov, A. A., Gromova, L. D. & Nikiforova T. G. (eds.) *L. N. Tolstoj i S. A. Tolstaja: perepiska s N. N. Strakhovym* [The Tolstoys’ Correspondence with N. N. Strakhov]. Ottawa: Slavic Research Group at the University of Ottawa, 2000. 308 pp. (In Russian)
- Klimova, S. M. *Intelligentsia v poiskakh identichnosti: Dostoevsky – Tolstoj* [Intelligentsia in search of identity: Dostoevsky – Tolstoy]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2018. 246 pp. (In Russian)
- Marx, K. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955. 698 pp. (In Russian)
- Strakhov, N. N. *Mir kak tseloe: Cherty iz nauki o prirode* [The World as a Whole: Outlines from the Science of Nature]. St. Petersburg: K. Zamyslovskii Publ., 1872. 506 pp. (In Russian)
- Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligentsii* [Landmarks: A Collection of Articles About the Russian Intelligentsia]. Moscow: V. M. Sablin Publ., 1909. 211 pp. (In Russian)